

Трансформация социальной структуры российского общества¹

Современный трансформационный процесс затрагивает глубинные, сущностные характеристики российского общества, к числу которых относится его социальная структура. Трансформация этой структуры может служить обобщающим индикатором глубины и социальной направленности проводимых реформ. Задачи этого доклада заключаются в том, чтобы, во-первых, охарактеризовать современную структуру российского общества, во-вторых, оценить важнейшие сдвиги, произошедшие в ней по сравнению с советским периодом, иными словами — социоструктурные результаты трансформационного процесса в России.

Общей целью моей работы является изучение той проекции социальной структуры, которая непосредственно связана с трансформационным процессом, т.е. фиксирует "моментное состояние" определяющих его развитие сил. Иными словами, мне хотелось бы выделить, идентифицировать и эмпирически изучить группы, различающиеся не только функциями в разделении труда и формальным социально-экономическим статусом, но и ролью в текущих институциональных преобразованиях, характером социально-инновационной деятельности и реактивно-адаптационного поведения. Речь идет о группах, принимающих прямое участие в преобразовании общественных институтов (в том числе их иницилирующих), группах, более или менее успешно адаптирующихся к преобразованиям, закрепляя и корректируя своим поведением их результаты, а также о группах, не обладающих ни средствами, ни возможностями влиять на происходящие сдвиги и потому являющихся не столько субъектами, сколько "объектами", или своего рода "заложниками" реформ.

Исследование социально-трансформационной структуры столь сложного объекта как российское общество требует многоэтапной

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (проект № 96-3-04520).

работы. Здесь я хотела бы остановиться в основном на группе вопросов, связанных с трансформацией "вертикального среза" общества. Рамки доклада не позволяют подробно говорить о методологии исследования, хотя она чрезвычайно важна. Основные положения этой методологии опубликованы¹, поэтому упомяну лишь ключевые моменты.

Исследование базируется на данных социологического мониторинга ВЦИОМ, относящихся к работающему населению России. Для идентификации социальных групп и слоев использованы десять статусных переменных: основное занятие, основной род деятельности, отрасль занятости, сектор экономики, размер организации, профессионально-должностное положение (по реальному содержанию выполняемой работы и согласно самооценке), уровень образования, самооценка квалификации, уровень доходов. Каждая группа строится по набору признаков, достаточно полно отражающему ее социальную сущность. Так, для выделения бизнес-слоя и входящих в его состав групп использовались данные об основном занятии, основном роде деятельности, участии респондентов в управлении производством, а также о типах предприятий по формам собственности. Группа же высшей интеллигенции была выделена с помощью данных об образовании, квалификации, характере труда и благосостоянии опрошенных. Чтобы избежать взаимного наложения групп, выделяемых по разным наборам признаков, установлена следующая иерархия группообразующих показателей: 1) участие в бизнесе; 2) участие в менеджменте; 3) умственный или физический характер труда; 4) социально-отраслевая сфера занятости (управление, индустрия, сельское хозяйство, коммерция, социальная сфера и услуги); 5) уровень образования и квалификации.

В основе исследования лежат гипотезы, сформированные на базе литературных источников. Они включают перечень групп, предположительно различающихся как социальным статусом, так и ролью в трансформационном процессе; экспертные оценки статусов этих групп и их принадлежности к "вертикальным" слоям; а также наборы эмпирических признаков, позволяющих идентифицировать каждую группу. Наша исходная гипотеза утверждала, что вертикальный срез российского общества представлен четырьмя слоями: верхним, средним, базовым (ниже среднего) и нижним. При этом к *верхнему слою* относятся политическая и экономическая элиты, крупные и средние предприниматели, высшая бюрократия, генералитет и директора крупных предприятий. *Средний слой* состоит из мелких предпринимателей, менеджеров, работников бизнес-

¹ Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. № 6. С. 7—13.

профессий и интеллигенции. *Базовый слой* включает полуинтеллигенцию, массовые профессии торговли и сервиса, квалифицированных рабочих и крестьян. *Нижний слой* образуют неквалифицированные рабочие и служащие, а также люмпены.

К сожалению, ни элитные группы, ни люмпенизированная часть населения не попадают в массовые опросы, поэтому мы не имели возможности изучить их состав и положение. Остальные же элементы структуры удалось идентифицировать на эмпирическом материале, что позволило выявить и сравнить их социальные характеристики. Представляется интересным тот факт, что "перешагнуть" из гипотетической структуры в эмпирическую без каких-либо изменений удалось лишь 4 группам из 12. Все остальные пришлось не только "перекроить", но нередко и переименовать. По результатам эмпирического анализа в исходное представление о социальной структуре были внесены следующие изменения: 1) число вертикальных слоев увеличено с четырех до шести за счет добавления "верхнего среднего" слоя (между "элитой" и "средним слоем"), а также андеркласса, или "социального дна" (ниже "нижнего слоя"); 2) выявлен специфический элемент социальной структуры, названный "бизнес-слоем", две из шести групп которого ("полупредприниматели" и "менеджеры акционированных предприятий") в гипотетической структуре отсутствовали; 3) "интеллигенция" разделена на "высшую" и "массовую", а "квалифицированные рабочие" — на "рабочую элиту" и "рабочих индустриального типа"; 4) некоторые родственные группы объединены; 5) три группы перемещены в другие слои. Всего (без элиты и андеркласса) были идентифицированы 14 групп¹. Серьезность этих поправок подтверждает ограниченные возможности априорно-теоретического подхода к анализу социальной структуры, не подкрепляемого изучением реальной действительности. Другое дело, насколько точно эта действительность отражается социологическими данными. Это сложный и специальный вопрос.

Исследование показало, что часть российского общества, попадающая в массовые опросы, разделяется на четыре иерархических слоя: "верхний средний" (1,5%), "средний" (20—25%), "базовый" (примерно две трети), "нижний" (около 10%). В последние годы численность "верхнего среднего" и "среднего" слоев медленно возрастала, а базового уменьшалась. Краткие социостатусные характеристики слоев российского общества приведены в табл. 1 и 2.

"Верхний средний" слой представлен собственниками крупных и средних фирм, почти на 90% мужчинами молодого и среднего возрастов. Это самый образованный слой: подавляющее большин-

¹ Социальные портреты этих 14 групп описаны в упомянутой выше статье.

ство его представителей имеют специальное образование, в том числе $\frac{2}{3}$ — высшее. Уровень доходов этой части предпринимателей, названный ими в процессе опроса и, на наш взгляд, безусловно заниженный, в 10 раз превышает доходы "нижнего" и в 6—7 раз — доходы "базового" слоя. Реальные доходы этого наиболее обеспеченного слоя растут. 70% его представителей живут, по меньшей мере, зажиточно или состоятельно, остальные — на уровне относительного достатка¹. Социальное настроение их оптимистично: почти $\frac{1}{2}$ полагают, что "все не так плохо, и жить вполне можно", большая часть остальных, — что "жить трудно, но терпеть можно". Здесь сильнее, чем в других слоях, вера в возрождение и процветание России, нет желающих вернуться в доперестроечное общество. Более половины представителей этого слоя считают предпринимателей силой, способной вывести Россию из кризиса.

К "среднему" слою российского общества² относятся мелкие предприниматели, полупредприниматели, менеджеры различных предприятий, организаций и фирм, бизнес-профессионалы, высшая интеллигенция, рабочая элита, частично — работники силовых структур. $\frac{3}{5}$ из них заняты в негосударственном секторе. Большую часть и здесь составляют мужчины, преимущественно среднего возраста. Уровень образованности этого слоя намного выше, чем базового, однако ниже, чем верхнего среднего: $\frac{3}{4}$ имеют специальное образование, в том числе $\frac{1}{2}$ — высшее. Самооценки квалификации здесь наиболее высокие. Есть основания полагать, что при более благоприятных условиях этот слой мог бы стать движущей силой реформ. Но пока его положение не радужно. Правда, фиксируемый мониторингом уровень доходов "среднего" слоя в 2,5—3 раза выше, чем "базового", и в 4—5 раз выше, чем "нижнего", но абсолютный уровень его благосостояния скромнен. Более 50% его представителей живут на уровне относительного достатка, а около 15% — бедно. Быть может поэтому позитивное отношение к реформам здесь встречается в 3 раза реже, а негативное — в 2—3 раза чаще, чем в более удачливом "верхнем среднем" слое.

"Базовый"³ слой состоит из людей, занятых квалифицированным исполнительским трудом, преимущественно в государственном сек-

¹ Методика выделения качественных ступеней благосостояния описана в статье Российское общество взгляд на формирование личных доходов // Общество и экономика 1994 № 5

² Называя этот слой "средним", я имею в виду лишь его положение между субэлитным "верхним средним" и "базовым" слоями, не проводя содержательных аналогий со средними слоями современных западных обществ

³ Я назвала "базовым" этот слой потому, что, во-первых, он охватывает $\frac{2}{3}$ населения и, во-вторых, не является замыкающим в стратификации российского общества. Ниже его на социальной шкале располагаются слой, названный мною "нижним", и андеркласс, границы, соотношение и положение которых требуют специальных исследований

Таблица 1

Статусные характеристики общественных слоев

Показатели	Доля в общей численности слоя, %			
	Верхний дний	Средний	Базовый	Нижний
<i>Экономический потенциал</i>				
<i>Тип занятости</i>				
самозанятые	100	29	0	0
работают по найму	0	71	100	100
в том числе в госсекторе	0	41	67	72
<i>Социально-экономический статус</i>				
собственник фирмы	27	11	0	0
руководитель, директор, менеджер	73	26	0	0
<i>Самооценка должностного статуса</i>				
руководитель верхнего звена	71	15	1	0
руководитель среднего звена	13	18	3	0
специалист	9	29	38	1
фактически выполняет работу специалиста	0	23	20	0
<i>Уровень благосостояния</i>				
зажиточность, состоятельность	70	30	5	3
относительный достаток, умеренная нужда	30	56	49	32
бедность, нищета	0	14	46	65
<i>Динамика благосостояния</i>				
питание стабильно или улучшается	85	59	43	34
реальные доходы стабильны или растут	66	27	11	8
<i>Самооценки материального положения</i>				
хорошее или очень хорошее	37	13	5	3
плохое или очень плохое	11	27	43	51
<i>Социокультурный потенциал</i>				
<i>Уровень образования</i>				
высшее	62	49	25	6
среднее специальное	22	26	32	19
без специального	16	25	43	75
<i>Самооценка квалификации</i>				
высокая	42	43	32	12
средняя	41	48	56	48
низкая (или затруднились ответить)	17	9	12	40

Статусные характеристики общественных слоев

Показатели	Доля в общей численности слоя, %			
	Верхний средний	Средний	Базовый	Нижний
<i>Самооценка условий жизни</i>				
все не так плохо, жить вполне можно	46	17	8	5
жить трудно, но терпеть можно	42	52	54	52
положение бедственное, терпеть невозможно	10	25	32	36
<i>Настроение в день опроса</i>				
прекрасное	13	6	4	3
нормальное, ровное	54	46	40	35
напряженное, раздраженное	25	38	44	43

торе. Это массовая интеллигенция, полунинтеллигенция, рабочие индустриального типа, крестьяне, работники торговли и сервиса. Около 60% этого слоя составляют женщины, чаще среднего и старшего возраста. Образование довольно пестрое: более 2/5 окончили только школу, 1/3 — техникумы, а 1/4 — вузы. Материальное положение этих людей нелегкое: около 50% живут за чертой бедности, остальные — чуть выше прожиточного минимума. В последнее время их уровень жизни снижается: у 75% доходы не поспевают за ростом цен, 60% констатируют ухудшение питания и т.д. Около 1/2 принадлежащих к этому слою часто испытывают напряжение, раздражение, тревогу и страх, около 1/3 считают свое положение бедственным и утверждают, что больше не в состоянии терпеть его. Это указывает на нарастающую усталость, тяжелое психологическое состояние людей.

"Нижний" слой общества — обладает наименьшим профессионально-квалификационным и трудовым потенциалом и потому наиболее беден. 2/3 его представителей живут за чертой бедности, из них 1/4 — на уровне нищеты. На семь женщин здесь приходится три мужчины. Доля пожилых людей — в 3 раза выше средней. Большинство представителей этого слоя предпочли бы, чтобы реформы не начались, около 1/3 считают, что России нужна диктатура.

Приведенные данные показывают, что современное российское общество резко стратифицировано, причем быстрый рост социального расслоения "накладывается" на крайне неблагоприятные показатели среднего уровня жизни россиян. Это значит, что если большинство относительно "богатых" граждан России по международным меркам не так уж богаты¹, то подавляющее большинство "бедных" — в полном смысле бедны.

¹ См, например Зоркая Н А Так ли богаты наши богатые?// Экономические и социальные перемены 1995 № 6 С 27—29

Осуществляемые под демократическим флагом, "на демократической волне" либеральные реформы отвечали интересам лишь небольшой части общества — в первую очередь правящей бюрократии и сращенной с ней части бизнес-слоя. В результате разрыв между этими группами и остальной частью общества углубился. Экономическое положение и образ жизни верхнего слоя поднялись на качественно новую ступень, а остальных россиян — существенно снизились. Расширились границы нищеты, ускорилась люмпенизация населения, резко выросло криминальное "дно". По уровню дифференциации доходов Россия, всегда отличавшаяся уравнительными традициями и ценностями, оказалась среди развивающихся стран Африки и Южной Америки. В результате общество оказалось социально расколотым. Между его "верхами" и "низами" нет понимания, доверия, готовности к конструктивному сотрудничеству для достижения общей цели. Без этого же вряд ли следует ожидать позитивных результатов реформ. Похоже, что последние зашли в тупик, поскольку вызванные ими социоструктурные сдвиги препятствуют дальнейшему движению в избранном направлении. Чтобы лучше разобраться в сложившейся ситуации, попытаюсь "проинвентаризировать" наиболее важные сдвиги, происшедшие к настоящему времени в социальной структуре российского общества по сравнению с советским периодом.

1. Прежде всего приходится констатировать, что его общая "стратификационная модель" по-прежнему имеет пирамидально-веретенообразную форму, когда большинство ($2/3$) общества сосредоточено в базовом слое, занятом малооплачиваемым исполнительским трудом средней и более низкой квалификации. Вместе с тем "средний" слой, составляющий около $1/4$ населения, по своим качественным характеристикам представляет относительно новый и перспективный элемент социальной структуры.

2. Проводимые в последнее время многочисленные исследования элит¹ показывают, что принципиального сдвига в их составе не произошло. Сравнение новой политической элиты России с советской "номенклатурой" выявляет удивительное совпадение их состава по большинству социально-демографических и статусных параметров. Хотя персональный состав правящих групп существенно изменился, в том числе за счет возрастного фактора, большая часть номенклатуры сумела сохранить элитарный статус, вовремя конвертировав политический капитал в экономический. При этом на ведущие позиции выдвинулся второй "эше-

¹ См, например *Ершова Н С* Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Куда идет Россия? Альтернативы общественно-го развития М, 1994 С 151—155, *Головачев Б В, Косова Л Б, Хахулина Л А* Формирование правящей элиты в России // Экономические и социальные перемены 1995 № 6 С 18—24, *Буренкова Э Э* Трансформации общества и внутренние характеристики элитных групп // Мир России 1995 № 3/4 С 3—24, *Кудеярова Н Ю* Первые изменения постсоветской элиты // Там же С 46—55 и др

лон" номенклатуры, в то время как первый был вынужден отойти на менее престижные роли. Другой особенностью последних лет служит заметное повышение роли и статуса региональных элит, связанное с ослаблением центральной власти и тенденцией к суверенизации территорий. Что касается процесса и способов пополнения наших элит, то они формально легитимировались. Однако в последнее время вновь стала наблюдаться тенденция к замыканию правящего слоя в собственных границах, приток же новых сил на политический и экономический Олимпы резко сузился.

3. Важным фактором изменения социальной структуры стало возникновение (или "выход из тени"), мощной экономической элиты, называемой "новыми русскими". Она представлена собственниками крупного капитала, как правило, созданного нелегитимным или криминальным путем в условиях правовой неразберихи и спешной приватизации госсобственности. Важную часть ее составляет корпорационная элита, возникшая в результате акционирования крупных государственных промышленно-финансовых комплексов и сочетающая огромную экономическую мощь с тесной близостью к государственной власти. В целом стремительная приватизация экономики привела к концентрации основной части российских богатств в руках узкого круга более или менее "случайных" собственников, ни состав, ни социальное лицо, ни вероятные стратегии поведения которых пока еще не вполне ясны.

4. Распад политических институтов, регулировавших восходящую социальную мобильность в советском обществе, обусловил либерализацию *процессов формирования и преобразования социальной структуры*. В результате последняя стала менее жесткой, более диверсифицированной и подвижной. Возросло многообразие социальных статусов. Началось размытие старых и формирование новых общественных групп. Открылись новые каналы повышения статуса, усилились вертикальная и горизонтальная мобильность.

5. Существенно изменилась *сравнительная значимость компонентов социального статуса*. Если в стратификации советского общества доминировал административно-должностной критерий, связанный с местом в системе власти и управления, то ныне решающую роль приобрел критерий собственности и доходов. Усиливается связь между должностным и экономическим статусами, интенсифицируется их взаимная конвертация, происходит сращивание экономической элиты с правящей государственной бюрократией.

6. Приватизация экономики и становление рынка труда несколько повысили социальный престиж образования и квалификации, усилили роль этого фактора в формировании социального статуса. Об этом свидетельствуют такие явления, как более высокая образован-

ность верхних социальных слоев в сравнении с нижними, быстрое социальное расслоение интеллигенции и рабочего класса на профессионально-квалификационные страты, рост инструментальной ценности образования в глазах молодежи. Но параллельно действует и противоположная тенденция, одним из проявлений которой является резкое снижение статуса массовых групп специалистов, работающих по найму, особенно в государственном секторе — учителей, врачей, инженеров, агрономов, работников культуры и др.

7. Локализм и замкнутость региональных рынков труда в условиях несформированности общероссийского рынка ставят доходы работников в зависимость от многих факторов, не связанных с личным трудом. Зависимость доходов от своих собственных усилий ощущают лишь 7% россиян. Примерно столько же (6%) верят в то, что жизненного успеха можно добиться качественным трудом. Надо ли удивляться, что 3/4 россиян, воспитанных в духе "социалистического принципа распределения по труду", считают нынешнее распределение доходов еще менее справедливым, чем в советское время.

8. Развитие рынка способствовало формированию бизнес-слоя, состоящего из частных предпринимателей и менеджмента акционированных предприятий. Обладая значительной социальной энергией и повышенным социальным статусом, этот слой призван быть активным агентом реформ. Но заинтересованность государственной бюрократии в развитии мелкого предпринимательства носит чисто декларативный характер, реальные же условия частного бизнеса крайне сложны и неблагоприятны. Ежегодно разоряются около 1/3 предпринимателей, и хотя им на смену приходят новые "искатели счастья", их общая численность практически не растет. Бюрократический прессинг на мелкий и средний бизнес препятствует активной социально-инновационной деятельности предпринимателей.

9. К новым явлениям следует отнести усиление разнообразия социальных структур крупных территориальных общностей. Например, южная часть России отличается от остальных регионов значительно большими долями "верхнего среднего" и "нижнего" слоев, что свидетельствует о далеко зашедшей социальной дифференциации населения. Напротив, на Севере Европейской части страны эта дифференциация выражена наиболее слабо. Калмыкия и Чечня, Ульяновская и Нижегородская, Калининградская и Московская области, Приморский край и Якутия демонстрируют существенно разные направления трансформации социальной структуры. Причем их особенности определяются отнюдь не только природно-экономическими факторами и специализацией экономики, но и соответствующей региональной политикой. В основе регионализации социальной структуры лежит широкий круг факторов, к числу которых следует отнести: ослабление власти Центра, расширение прав и повышение

самостоятельности территорий, распад хозяйственных связей и тенденцию к "автаркизации" экономики регионов, этнополитические конфликты и вызываемые ими миграции и др.

Сказанное свидетельствует о значительной глубине, сложности и противоречивости трансформационных процессов, протекающих в нашем обществе. Элементы экономической модернизации сочетаются в них с социальным регрессом, причем однозначно определить, какая из этих тенденций преобладает, достаточно трудно. В целом реформы дали толчок скорее к оживлению и развитию, чем к деградации общества. Но позитивные изменения пробивают себе дорогу через мощные "тернии" негативных. Достигнутые к настоящему времени результаты трансформации можно охарактеризовать как бюрократическую либерализацию экономики в сочетании с олигархической демократизацией общества на фоне упадка правопорядка, культуры и нравственности. Нет смысла гадать, было ли такое направление развития неизбежным, или у общества был более благоприятный выбор, который не удалось реализовать. Осуществился именно этот вариант развития, и сейчас важно закрепить достигнутые позитивные сдвиги, по возможности смягчив негативные.

Центральное место здесь занимает проблема приспособления массовых групп к новой социальной реальности. Исследования показывают, что российское общество разделяется на три более или менее соразмерных части. Первую составляют люди с высоким социально-деятельностным потенциалом, которые в основном адаптировались к рыночным отношениям, усвоили новые нормы и ценности, относительно удовлетворены своей жизнью и ни в коем случае не хотят возврата назад. Вторая часть обладает низким жизненным, трудовым и адаптационным потенциалом, не может самостоятельно приспособиться к новым условиям, нуждается в активной социальной поддержке и испытывает сильную ностальгию по прошлому. Взгляды и установки этих людей в кризисных ситуациях могут перерасти в акции активного протеста и даже агрессии. Третья часть занимает промежуточное положение, стремясь найти свое место в жизни, но не очень в этом преуспевая.

В первые годы реформ доля людей, адаптировавшихся к новым условиям, систематически возрастала. Но в последнее время она стабилизировалась и стала снижаться, что может рассматриваться как свидетельство исчерпания адаптационных ресурсов общества по отношению к проводимой социально-экономической политике. В 1993 г. соотношение людей, считавших, что "дела в России идут в правильном направлении" или что "события ведут нас в тупик", составляло 3:4, т.е. было более или менее уравновешенным. В конце

же 1995 г. на один позитивный ответ приходилось более пяти негативных. Доля сторонников рыночной экономики с июня 1993 по май 1995 г. снизилась почти в 2 раза: с 42 до 22%. 3/5 россиян при наличии выбора предпочли бы вернуться в брежневское время, нынешнюю же жизнь предпочел бы лишь один из шести. Чем чреват рост таких настроений, показали декабрьские (1995 г.) выборы в Думу и первый тур выборов Президента России. Равнодушие новой бюрократической власти к положению большей части общества грозит острыми политическими конфликтами, попытками реставрации советской системы и прекращением реформ. В этих условиях долг науки — объективно оценить социальную сущность, направленность и результаты трансформационного процесса в России, адаптационные ресурсы основных общественных групп, активно участвовать в выработке стратегии выведения страны из кризиса.